

Глава 25: Мы пришли поклониться Юэлао

Шэнь Цзицзе наконец уговорил Лу Жуну не плакать, он хотел пойти искать телепорт, но Лу Жун, казалось, был так напуган, что не отпускал его. В отчаянии он мог только продолжать уговаривать, пытаясь придумать успокаивающие слова.

Бедняжка, он всего лишь ученик начальной школы, он не знал, как успокоить человека, лишь произносил одни слова.

"Я был неправ, мне не следовало уходить одному, я действительно был неправ."

"Гэгэ не выбросит тебя в мусорное ведро, верь мне."

Лу Жун странным образом обрел чувство защищенности от этих слов, постепенно переставая плакать и жужжать, как комар.

Это был уже не столько плач, сколько кокетство.

Шэнь Цзицзе повернул голову, чтобы посмотреть ему в лицо, и неуверенно спросил: "Ты закончил плакать? Если закончил, пошли искать телепорт."

Жужжание сразу же стало громче.

"Хорошо, тогда подождем ещё немного," — быстро сказал Шэнь Цзицзе.

Повторив это несколько раз, Шэнь Цзицзе беспомощно уставился в потолок и спросил: "Ты закончил плакать?"

"Еще нет," — хотя Лу Жун больше не плакал, у него был очень гнусавый голос, он все еще обнимал другого человека и не хотел двигаться.

Шэнь Цзицзе положил подбородок на макушку и, немного подумав, спросил: "Жун-Жун, что ты говорил о выбрасывании в ведро? В мусорный бак ты больше не поместишься, к тому же, кто тебя туда бросит?"

Лу Жун изменил выражение лица, спрятавшись. Кусок одежды уже был мокрым, прилипая к его лицу, было неудобно.

"Могу," — сказал он.

"Хм?" — Шэнь Цзицзе не понял смысла сказанного.

"Я сказал, что могу поместиться в мусорный бак," — из ткани донесся немного приглушенный голос Лу Жуна.

Шэнь Цзицзе указал на размер человека, которого держал на руках, и молча улыбнулся: "Может быть и можешь, но кто стал бы выбрасывать тебя в мусорное ведро? Как тебе пришла в голову эта идея?"

Лу Жун молча упал в его объятия, не сказав ни слова. Как раз в тот момент, когда Шэнь Цзицзе собирался спросить, стало ли ему лучше, он услышал, как тот внезапно сказал очень тихим голосом: "Моя семья выбросила меня в мусорное ведро, когда мне было четыре года."

Хотя голос был очень тихим, Шэнь Цзицзе все равно отчетливо услышал его. Он вздохнул и застыл на месте.

Лу Жун тихо продолжил: "Когда я был совсем маленьким, моя семья выбросила меня из дома, а торговец людьми похитил меня на улице и привез в деревню. Дедушка спас и вырастил меня."

В мире Шэнь Цзицзе самым большим беспокойством было то, что его родители узнают о ещё одном проваленном тесте, и что он проиграл Сяо Юну в CS. Или учитель заставляет его запоминать текст во время урока. Его мир прост и умиротворен, полон безопасности, он никогда бы не ожидал, что в мире будут дети, которых выбросила их семья.

Он слышал о подобных вещах, но это была чья-то чужая история. Это выяснилось в разговорах взрослых, говорящих о полицейском участке, или из уст серьезной женщины-ведущей теленовостей. Все это чрезвычайно далекие вещи, настолько далекие, насколько нереальна история Сяо Мина и Сяо Хуа из учебников.

Но этот мальчик, который проводит с ним каждый день и пахнет молоком, который сейчас осторожно лежит в его объятиях, говоря ему спокойным, но слегка дрожащим голосом, правдивую историю, случившуюся с ним.

Шэнь Цзицзе испытал сильное чувство нереальности и в то же время чувствовал, как будто чья-то рука коснулась его груди, а затем яростно сжала.

Они крепко обнимали друг друга в молчании.

Через некоторое время Шэнь Цзицзе отпустил его руку и нежно погладил Лу Жуна по спине: "Жун-Жун, ты помнишь статую, которую мы видели в храме у подножия горы?"

Хотя Лу Жун не знал, что он имел в виду, он обхватил голову руками, кивая.

Шэнь Цзицзе сказал: "Того, что в красной одежде, звали Юэлао. Мастер сказал, что после поклона люди могут вместе счастливо состариться. Ты знаешь, что значит стареть? Даже если

наши волосы будут седые, мы все равно будем вместе."

Он остановился на мгновение, колеблясь две секунды, но затем сказал: "В таком случае, давай тоже пойдем и поклонимся. Под присмотром Бодхисаттвы ты не будешь переживать, что я брошу тебя, верно?"

Шэнь Цзицзе не мог придумать никого, кого он бы так сильно любил, что хотел бы счастливо состариться вместе.

Точно не Сяо Юн. Они часто ссорятся из-за одного слова. Кто хочет ссориться с ним до самой старости? Другие ученики в классе тоже не очень подходят, между ними не очень хорошие отношения.

Что же касается будущей жены, то в его сердце это было просто пустым звуком, он не понимал истинного значения, которое представляло собой это словосочетание. Только маленький мальчик у него на руках заставлял его чувствовать, что состариться вместе в любви будет хорошей идеей.

Особенно сразу после того, как он услышал историю Лу Жуна, на сердце у него стало кисло, он не мог дождаться, когда сможет отдать все самое лучшее Лу Жуну, просто умоляя его не грустить и не думать, что его бросят вновь.

— И это чертово мусорное ведро.

Поклонение Бодхисаттве было единственным способом, который он мог придумать, чтобы убедить Лу Жуна.

Лу Жун был по-настоящему тронут, поднимая голову с его руки, его глаза, омытые слезами, блестели светом.

Увидев эти глаза, небольшое колебание Шэнь Цзицзе осталось позади, он быстро добавил: "После поклонения Бодхисаттве ты больше не будешь бояться, что я выброшу тебя, и все мусорные баки будут разбиты мной вдребезги."

Он сжал ладони и сделал удар в воздухе.

На лице Лу Жуна все еще было несколько слезинок, его ресницы были все мокрые, но когда он увидел, Шэнь Цзицзе жестикулирующего и говорящего, он тоже слегка улыбнулся.

"Ну как?" — спросил Шэнь Цзицзе.

Лу Жун не ответил, но продолжил улыбаться, и на его щеках появились две маленькие ямочки.

Шэнь Цзицзе понял, что он счастлив, и продолжил жестикулировать руками и ногами, имитируя избиение мусорного бака.

"После того, как ты их расплющишь, выброшу их в поле скормлю свиньям," — наконец Лу Жун заговорил, его голос был хриплым после слез, но полный волнения.

"Свиньи вроде не едят олово."

Лу Жун сказал: "Когда они попробуют, им понравится. После того, как все мусорные баки будут сплющены, их съедят свиньи."

"Ладно, скорми их свиньям, предварительно хорошенько отбив," — Шэнь Цзицзе осталось только подчиниться.

"Дахэй съест два, нет, пять."

"Восемь."

"Десять."

"Сто."

"Ха-ха-ха, сто, ха-ха-ха."

Лу Жун стал счастливым, перестал обнимать и мурлыкать, начал двигать руками и ногами, желая научить свиней жевать мусорные баки вместо овощей, издавая при этом жевательные звуки.

"Тогда решено. После того, как мы выйдем, отправимся в храм поклониться," — Шэнь Цзицзе приподнял край своей футболки и вытер пот со лба Лу Жуна.

"Мм, просто пойдём и поклонимся. Но разве он не говорил, что нужно приводить своих жен на поклон или, чтобы найти ее?" — Спросил молочным голосом Лу Жун.

Шэнь Цзицзе ответил: "Мы собираемся найти Юэлао и попросить его засвидетельствовать, что мы всегда будем вместе, мы не собираемся искать жен."

"О," — Лу Жун кивнул, будто понимая.

Шэнь Цзицзе, наконец, успокоивший его, вздохнул с облегчением. Только сейчас он заметил, что белое тело Лу Жуна обнажено, он начал вертеться в поисках его одежды.

Он огляделся, увидев разбросанную неподалеку одежду, сердито сказал: "Почему ты снова голый? Всякий раз, когда что-то идёт не так, ты полностью раздеваешься, даже после того, как тебе указали на это."

Он пошел за его шортами и футболкой и поставил сандалии перед Лу Жуном: "Такое поведение очень плохо, понимаешь? Надо исправлять. Если бы кто-то в нашем классе любил раздеваться догола, над ним определенно бы смеялись до смерти."

Он закончил говорить, надевая футболку на голову Лу Жуна: "Другими словами, я очень хорошо отношусь к тебе, поэтому не смеюсь над тобой."

"Мм, мой брат очень добр ко мне," — голова Лу Жуна прикрытая одеждой, продолжала кивать.

Шэнь Цзицзе остановился и спросил: "Значит, тебе нравится твой гэгэ?"

"Мне нравится мой гэгэ~~" — Лу Жун говорил таким тягучим, шепчущим голосом.

Шэнь Цзицзе больше всего нравится слышать, как он говорит таким тоном, в глубине души он был очень счастлив.

Лу Жун оделся и собирался взять Шэнь Цзицзе за руку, когда его взгляд скользнул по его икре. Он внезапно остановился и быстро присел на корточки, чтобы посмотреть.

Шэнь Цзицзе опустил голову и увидел раны на своих ногах после падения в тумане.

"Гэгэ, что с тобой? Ты снова встретил женщину-призрака?" — Лицо Лу Жуна поморщилось, а в его больших глазах появилась тревога. Он протянул пальцы, чтобы дотронуться до раны, но тут же отпрянул, очевидно, боясь причинить боль.

Если бы Лу Жун не упомянул, Шэнь Цзицзе забыл бы об этом, но когда это было упомянуто, он почувствовал, что вся его нога болит и горит.

"Ах, больно, дело не в том, что я снова встретил женщину-призрака, а в том, что когда я шел," — Шэнь Цзицзе чуть было не сказал о своем падении, но вовремя изменил слова: "Это осталось после битвы с женщиной-призраком."

Лу Жун увидев, что некоторые участки кожи повреждены и налиты кровью, почувствовал себя очень расстроенным. Он поджал губы и тихонько подул на это место.

"Эй, эй, нежнее, ааааа..." — Шэнь Цзицзе нахмурился и закрыл глаза с выражением боли на лице.

Лу Жун сделал свои движения более легкими и, подув немного, спросил: "Все еще больно?"

"Дай мне проверить," — Шэнь Цзицзе поджал ноги, чувствуя себя лучше, сказал: "Больше не больно, пойдем быстрее."

"Хорошо."

Как только Лу Жун встал, был потрясен, увидев синяк на локте: "Гэгэ, у тебя на руке тоже есть."

"А! Это так?" — Шэнь Цзицзе приподнял локоть, посмотрел и сразу почувствовал боль в руке.

"Подойди и подуй, подойди и подуй, щиплет..." — поспешно уговаривал он Лу Жуна.

"Ладно, ладно," — Лу Жун снова поджал губы и подул на руку.

Он осторожно держал Шэнь Цзицзе за руку, мягкое дыхание овеяло поврежденную кожу, и Шэнь Цзицзе почувствовал себя намного комфортнее.

После того, как двое детей привели себя в порядок, они пошли рука об руку вперед. Но на этот раз, завернув за угол, они увидели привлекающий внимание телепорт, парящий недалеко прямо по центру коридора.

"Нашел. Он оказался здесь. Я только что проходил мимо. Почему я не видел его раньше?" — Шэнь Цзицзе был одновременно удивлен и взволнован.

Лу Жун молча втянул носом воздух и обнаружил, что поблизости был запах дяди Бая, поспешно сказав: "Да, это тот телепорт, который выпустит нас."

Шэнь Цзицзе кое-что понял: "Должно быть, это произошло, потому что я убил женщину-призрака. Конечно, воин-олень тоже заслуживает уважения."

Лу Жун дважды подпрыгнул на месте.

Выйдя из телепорта, Лу Жун открыл глаза и посмотрел на Шэнь Цзицзе, лежащего на боку с улыбкой на лице.

Они все еще лежали в одноместной спальне Шэнь Яня, а в воздухе витал слабый запах вина. Вокруг больше не было темно, время от времени вдалеке слышался лай собак и стрекот сверчков за окном.

Шэнь Цзицзе протянул палец, коснулся кончика вздернутого носа Лу Жуну, после чего нахмурился.

"От тебя пахнет алкоголем." — Он дернул носом: "В комнате все еще пахнет виски. Ты был настолько пьян, что потерял сознание."

"В будущем я не буду пить такой алкоголь," — Лу Жун ухмыльнулся и обнял его рукой за шею.

"Детям нельзя употреблять алкоголь, не употребляйте никакого спиртного." — Шэнь Цзицзе с отвращением оттолкнул его: "Воняешь, держись от меня подальше."

Лу Жун не только не отодвинулся, но и вклинился в его объятия, Шэнь Цзицзе притворился, что дважды толкнул его, и сдался.

Еще не рассвело, они не знают, сколько сейчас времени, может середина ночи. Они болтали, но в какой-то момент заснули.

Когда Шэнь Цзицзе встал и пошел умываться на следующий день, он обнаружил, что ссадины на его теле исчезли, как будто ничего не случилось. Он посмотрел на свои локти и колени, не говоря уже о налитых кровью, даже темно-зеленых пятен не было.

Он чувствовал, что у него болит шея, поэтому протянул руку и прикоснулся к ней, обнаружив, что кулон в виде нефритового листа, который никогда не покидал его, исчез.

Он все еще был на нем, когда принимал душ прошлой ночью, так что он должен быть где-то в комнате его дяди. Он поспешно умылся и вернулся обратно в комнату, собираясь обыскать кровать.

Разъяснив ситуацию Лу Жуну, тот решил помочь ему найти кулон, но они вдвоем обыскали каждый дюйм этого места и не увидели нефритовой подвески.

Шэнь Цзицзе некоторое время думал об этом, предполагая, что потерял его, сражаясь с женщиной-призраком в красном, но как его можно вернуть, если он пропал там?

На некоторое время он впал в уныние, придумывая, какой предлог использовать, чтобы одурачить его родителей.

"Тогда что нам делать? Почему бы нам не купить такой же? Я видел их в магазине в городе ниже по склону по десять юаней за штуку," — Лу Жун присел перед ним на корточки, послушно придумывая что-нибудь.

Шэнь Цзицзе вздохнул и раздраженно почесал затылок: "Мой нефрит не из тех, что стоят по

десять юаней. Это настоящий нефрит, который моя мать купила у антиквара. Она также ходил в храм, чтобы осветить его..."

Увидев, что Лу Жун непонимающе смотрит на него, он снова сказал: "Забудь об этом, забудь, просто скажу, что потерял, самое худшее — меня просто побьют."

Услышав об избиении, Лу Жун занервничал. Шэнь Цзицзе взглянул на него, понимая, что это пугает других, поэтому подошел, чтобы утешить его. Он сказал, что это не больно, всего пару похлопываний по ягодицам.

После завтрака Шэнь Цзицзе взвалил на спину свою школьную сумку, запихнув в нее два комплекта сменной одежды, и отвел Лу Жуну к Шэнь Яню, чтобы сообщить, что он снова собирается в дом дедушки Цая.

"Снова идешь к дедушке Цаю?" — Шэнь Янь, одетый в каску, и несколько инженеров смотрели на чертежи, они спросили, услышав его.

Шэнь Цзицзе сказал: "Да, здесь слишком шумно, я не могу спокойно заниматься."

Шэнь Янь немного подумал, затем достал свой мобильный телефон и набрал номер: "Это Шэнь Янь, дедушка Цай из деревенского комитета, я насчет Сяо Цзе..."

Поговорив с дедушкой Цай по телефону, он помахал Шэнь Цзицзе: "Давай, давай, только не капризничай. Кстати, отнеси бутылку вина и две пачки сигарет, которые я оставил в спальне, своему дедушке Цаю."

"Хорошо."

Шэнь Цзицзе снова отвел Лу Жуну в общежитие. Согласно инструкциям Шэнь Яня, он достал бутылку Маотая (1) и две пачки китайских сигарет, и засунув их в свою школьную сумку.

(Мяотай — крепкий алкоголь. Крепкость от 53 до 55%)

Школьная сумка была полностью забита, поэтому он высыпал все свои домашние задания, оставив только одно сочинение.

Они вдвоем, взяв сигареты и алкоголь, пошли по горной дороге в деревню. Лу Жун взял Шэнь Цзицзе за руку и прыгал без слов от счастья.

Дома никого не было, а дедушка Цай все еще был в сельской управе. Как только Шэнь Цзицзе положил свою школьную сумку на маленький столик, Лу Жун лег на стол и спросил: "Что мы будем делать дальше?"

Шэнь Цзицзе взглянул на него, и когда увидел, что тот смотрит на него с надеждой на лице, он понял, о чем тот думает, но намеренно сказал: "Сначала сделай свою домашнюю работу, поговорим, когда твоя домашняя работа будет сделана."

Закончив говорить, он с невозмутимым выражением лица достал текст из своей школьной сумки.

Увидев это, Лу Жун хотел что-то сказать, но промолчал, с несчастным видом ему пришлось взять свою школьную сумку.

После того, как Шэнь Цзицзе подождал, пока он достанет ручку и бумагу, он резко вскочил, выбежал и крикнул на бегу: "Пиши, а я пошел поклоняться богам в храме на горе!"

Лу Жун на мгновение опешил, а когда увидел, что тот уже выбежал во двор, поспешно крикнул, догоняя: "Я тоже иду!"

Не имело значения, что коробка с канцелярскими принадлежностями упала на землю, мусор из точилки для карандашей был разбросан. Сяо Гао играл с муравьями во дворе, дико лаял и гнался за ними.

Погнавшийся за ними, щенок бросился играть в соседний лес, пока они вдвоем прятались у открытой двери во двор, выглядывая.

Во дворе было очень тихо, никого не было видно, только несколько цыплят лухуа (1) расхаживали взад-вперед.

(Лухуа — порода птиц, весьма традиционная для Китая)

"На этот раз мы не взяли арахис и яйца. Позволит ли мастер Хун нам поклониться Богу?" — тихо спросил Лу Жун, ощупывая свою голову.

Шэнь Цзицзе нахмурился и сказал: "Я не знаю... Это туристическая достопримечательность? За билеты в другие туристические места могут взимать плата. Может ли этот храм взимать плату за билеты?"

Он достал из кармана шорт несколько крупных купюр. Это были карманные деньги, которые дала ему мать перед отъездом, но после того, как он приехал сюда, он не воспользовался ими.

"Ух ты, гэгэ, у тебя куча денег," — глаза Лу Жуна расширились, когда он увидел купюры.

Это был первый раз, когда он видел, чтобы у ребенка было так много денег.

“Это много?” — спросил Шэнь Цзицзе.

Лу Жун протянул руку и покрутил одну из них: “Конечно много. Ты можешь купить все конфеты в магазине семьи Ли.”

“Конфеты из магазина семьи Ли? Ты хочешь конфет?” — Шэнь Цзицзе взглянул на него.

“Нет, я не хочу,” — Лу Жун энергично замотал головой, движение его двух рук дополняли это, но слова: “Хочу поесть”, были ясно написаны у него на лице.

“Что вы, двое детей, здесь делаете?” — Со двора донесся холодный голос, и дверь распахнулась шире. Они увидели служителя Хуна, который все еще был одет в расстегнутый белый халат с широко открытым животом, в его руках была миска с рисом.

Двое детей немедленно выпрямились.

Мастер Хун оглянулся назад и, больше никого не обнаружив, спросил: “Где ваш дедушка?”

Двое детей покачали головами.

Мастер Хун посмотрел на них обоих: “Это не место для игр. Это помешает бессмертным вздремнуть. Идите и поиграйте в другом месте.”

Шэнь Цзицзе не издал ни звука, но Лу Жун громко ответил: “Мастер Хун, мы с гэгэ хотим поклониться.”

После случившегося в прошлый раз, он больше не боялся мастера Хуна, не говоря уже о том, что на этот раз он собирался поклониться Юэлао вместе со своим гэгэ, поэтому он был еще более смелым.

“О, поклониться? Это нормально, сделайте это, чтобы занять первое место на экзамене,” — Мастер Хун отправил в рот рис и сказал с улыбкой.

“Нет, мы хотим поклоняться богу, который позволяет быть вместе до старости, тому, кого зовут Юэлао,” — в голосе Лу Жуна звучала неконтролируемая радость.

Служитель Хун был ошеломлен, через некоторое время он отреагировал, выражение его лица было немного странным, как будто он сдерживал улыбку. Он кивнул им обоим своими палочками для еды: “Вы двое хотите состариться в доброте и любви? Хотите поклониться Юэлао?”

Шэнь Цзицзе вдруг стало немного неловко, и он отвернулся, чтобы посмотреть в сторону, Лу Жун же решительно сказал: "Мы здесь для этого."

Мастер Хун подавился едой, начиная сильно кашлять и бить себя в грудь с покрасневшим лицом и ушами.

Шэнь Цзицзе достал из кармана деньги и немного смущенно сказал: "Мастер Хун, мы можем купить билеты."

Мастер Хун взглянул на деньги в его руке и, кашлянув, указал на другой конец двора: "Я не беру плату за билеты, я... Кхм... Идите и засвидетельствуйте свое почтение."

Они поблагодарили его и радостно вошли во двор. Когда они проходили мимо мастера Хуна, Шэнь Цзицзе также почтительно поприветствовал его, Лу Жун быстро последовал его примеру. Выпрямившись, он поднял правую руку и сделал ответное приветствие.

Мастер Хун неопределенно махнул рукой и повернул голову с таким выражением лица, словно не мог смотреть прямо.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326854>